

Глава 14. Сосед

Чу Юй открыл глаза. За его окном ярко светило солнце.

Ему всю ночь не снились сны и это было непривычно.

Прищурившись, он некоторое время тупо лежал, обняв одеяло, затем поднял руку и необъяснимо сильно ударил кулаком в стену «Черт возьми, это так чертовски больно!»

Чу Юй зашипел, задохнувшись от боли и держа свои красные пальцы.

Эх, увы, конечно же, я не пробудил никаких магических сил, таких как медная кожа и железные кости.

Жаль.

После сна его настроение стабилизировалось.

Чу Юй дважды перекатился на кровати, затем бодро выскочил, чтобы умыться и прополоскать рот.

Когда он посмотрел в зеркало, то обнаружил пучок волос, беспорядочно торчащий у него на макушке. Чу Юй надавил левой рукой на пучок волос, а в правой держал зубную щетку. Вспомнив кое-что, он прикусил зубную щетку и схватил два стакана воды, чтобы оросить горшок со стрелицией в углу.

Выходя из комнаты ему, наконец, удалось привести волосы в нормальный вид, поэтому Чу Юй был в хорошем настроении, готовясь к занятиям.

Когда он открыл дверь и вышел, соседняя дверь тоже открылась в это же время.

Чу Юй поднял глаза: «Лу Ши?»

Чу Юй замер на месте, моргнул своими круглыми глазами, затем бесстрастно повернулся, чтобы открыть дверь своей спальни. Он вошел, закрыл дверь, снова открыл ее и вышел.

Он посмотрел еще раз, и Лу Ши все еще стоял там.

Чу Юй пробормотал:

«Оказывается, он не галлюцинация...»

Лу Ши взглянул на пригоршню мокрых волос на голове Чу Юя и необъяснимо вспомнил ощущение его мокрых, мягких волос во время встречи прошлой ночью.

Он ответил:

«Хм, я не галлюцинация».

Возможно, из-за того, что он только что проснулся, но голос Лу Ши был слегка хриплым, а на его лице была нескрываемая холодность.

Закончив говорить, он повернулся и спустился вниз.

Чу Юй последовал за ним вниз. Он был удивлен, но, подумав об этом, он почувствовал, что было бы удивительно, если бы Лу Ши не был его соседом.

В роскошных общежитиях школы, рассчитанных на одного человека, в многоэтажном здании были созданы первоклассные условия для проживания. Свободных комнат было немного, и всегда было невозможно жить в одной такой только из-за стоимости.

Например, Хэ Чжихао хотел быть соседом Чу Юй и жить по соседству. Он плакал и умолял в течение первого года средней школы, но его все еще не пускали.

В случае Чу Юя, после того, как его мать купила школу, ее помощник позаботился обо всем и специально выбрал для него общежитие, самое дальнее от лестницы на этом этаже.

Он был очень доволен. Здесь было тихо, так как люди не часто проходили мимо двери, поэтому спать было удобно.

Прожив здесь больше года, Чу Юй знал, что на этом этаже каждая комната, считая от задней части лестницы, была занята тремя лучшими талантами каждого класса. Что касается Лу Ши – первого в его классе – теперь, когда он посещал основную школу, он, естественно, тоже жил на этом этаже.

Он считал, что был единственным неуспевающим на этом этаже.

Следуя за Лу Ши, Чу Юй колебался, стоит ли ему подойти и поговорить с ним.

Но... что он должен сказать?

Я высосал из тебя столько крови, у тебя не кружится голова?

Хочешь витамины с железом? Я куплю их для тебя!

Ты простудился, когда вчера вечером вернулся домой?

Что ты ел на ужин?

Прежде чем он смог разобраться в своих мыслях, Чу Юй увидел высокого и худого мальчика в очках, машущего Лу Ши из конца коридора второго этажа.

Он выглядел знакомо, и Чу Юй вскоре узнал в нем Чжу Чжифэя, с которым он ел раньше.

Чжу Чжифэй заговорил с Лу Ши.

«Лу-Гэ, тебе Шито звонил? Меня уже засыпали телефонными звонками!»

«Нет, в чем дело?»

Ресницы Лу Ши опустились. Он сунул правую руку в карман и слегка наклонил голову, слушая разговор Чжу Чжифэя; его шея, наклонившись, прочертила чистую и красивую линию.

«Завтра уже суббота, нам нужно возвращаться. Он уже купил электрическую плиту и ингредиенты для хотпота, он также спрашивал, как приготовить суповую основу» Чжу Чжифэй поднял свои очки, «Я слышал тон Шито, и он немного взволнован, но Лу-Гэ, ты вернешься в эти выходные?»

Охранник Цзянин не строго контролировал учеников, которые жили в кампусе. Никого не волновало, были они в школе или нет по выходным, главное, чтобы они были в общежитии, когда пришло время проверять кровати в воскресенье вечером.

Однако Чжу Чжифэй знал, что Лу Ши жил один и был единственным человеком дома. Там не было никого, с кем можно было бы поболтать, даже если бы он вернулся, поэтому когда он ходил в филиал школы, он посещал улицу Цинчуань только десять-пятнадцать дней в году.

Лу Ши сжал черную гелевую ручку в левой руке. Воздух вокруг него был тяжелым после пробуждения, в сочетании с лицом, лишенным выражения, он выглядел холодным.

«Да, я хочу вернуться».

«Я думаю, что Шито становится одиноко, когда мы вдвоем уходим, потому что не с кем тусоваться, — Чжу Жифэй внезапно мельком увидел человека, идущего в двух шагах позади них. Он был удивлен и остановился, чтобы поприветствовать его, — Молодой мастер?»

Лу Ши тоже остановился и повернулся, чтобы посмотреть на Чу Юя.

Чу Юй почувствовал себя неловко.

Он сухо сказал:

«Доброе утро»

Лу Ши ответил так же:

«Доброе утро».

«Доброе утро! — Чжу Чжифэй увидел холодное лицо Лу Ши и забеспокоился, что Чу Юй почувствует себя неловко. Он тут же с энтузиазмом сказал, — Мы с Лу-Гэ собираемся позавтракать в кафетерии. Не хочешь пойти с нами? Три человека это как раз то, что нужно».

У него сложилось хорошее впечатление о Чу Юе, и, учитывая как он недавно прямо перед Чу Юем сплетничал, он был немного смущен до сих пор.

Но после того, как он закончил говорить, Чжу Чжифэй снова пожалел об этом — Лу Ши, казалось, не испытывал особой нежности к Чу Юю с самого начала, и даже с первого дня в школе говорили, что они были в плохих отношениях. Разве было уместно с его стороны так опрометчиво приглашать Чу Юя?

Вчера днем в ботаническом саду Чу Юй выпил слишком много крови. У него не было аппетита ни к чему, и даже мысль о сахаре вызывала у него отвращение.

Услышав слово "кафетерий", он быстро отказался:

«Я не голоден, вы, ребята, можете идти».

Увидев отказ Чу Юя, Чжу Жифэй вздохнул с облегчением. Оценивая выражение лица Лу Ши своими собственными глазами, он больше не стал уговаривать его.

«Хорошо, тогда я пойду с Лу-Гэ. Давай потусуемся в следующий раз».

Чу Юй вошел в класс намного раньше обычного, но Чжан Юэшань и Ли Хуа, которые сидели

перед ним, были лучшими учениками, и пришли раньше.

Увидев, что пришел Чу Юй, Чжан Юэшань осмотрел его.

«Ты выглядишь намного лучше по сравнению со вчерашним утром. Как твоя болезнь, тебе лучше?»

Чу Юй кивнул:

«Я почти пришел в себя».

Сказав это, он на мгновение опешил.

Очевидно, все это произошло только вчера, но казалось, что прошло много времени.

Видя, что никто не обращает на них внимания, Чжан Юэшань тихо спросил: «Я только что обсуждал со своим соседом по парте, но ты действительно вчера упал в обморок или просто притворялся?»

Чу Юй не скрывал этого.

«Притворялся».

Первые два дня Ли Хуа не осмеливался заговорить с Чу Юем, но не сейчас:

«Ух ты, притворный обморок! Разве ты не сын спонсора школы... хотя, почему бы тебе не быть немного необузданным. Например... как в телевизионных драмах, где ты хлопаешь по столу и говоришь учителю английского языка: "Я хочу, чтобы ты исчез с моих глаз! Убирайся немедленно!" Вот так».

Чу Юй выдвинул свой стул и сел. Подперев подбородок рукой, он тихо объяснил:

«Гораздо приятнее быть слабым и жалким белым цветком! Подумай об этом, если бы я действительно сделал то, что ты сказал, директор действительно позаботился бы обо мне от имени моей мамы и исключил учителя, но как насчет меня? Я был бы назван высокомерным злодеем и лишь страдал бы! Кроме того, что бы ни сделала мисс Ван, все подсознательно сочувствуют слабым. В конце концов, даже если бы было очевидно, что надо мной издевались, другие, наоборот, сказали бы, что это я издевался над учительницей и заставил ее потерять работу. Кроме того, мне еще два года учиться в школе. За эти два года, как бы другие учителя смотрели на меня и как бы они относились ко мне?»

Ли Хуа внезапно зааплодировал.

«Как умно! Выше среднего!»

Чжан Юэшань тоже пришел к осознанию.

«Но ты сын директора школы, но из-за того, что ты уважаешь учителей, даже несмотря на то, что ты был болен и полон обид, тебя все равно наказали стоять в соответствии с прихотями учителя! В конце концов, ты упал в обморок, стоя в коридоре, как жалко!»

«Когда ты так говоришь, я тоже чувствую, что был очень жалок, — в глазах Чу Юя появилось немного лукавства, — Мой брат и моя сестра учили меня раньше, что насколько бы общителен ни был человек, нельзя позволять своему характеру брать верх над собой, когда занят делами;

нужно тщательно учитывать каждый результат».

После того, как он закончил говорить, он вдруг вспомнил, что когда Лу Ши, который в тот раз сотрудничал с ним, увидел, как он "упал в обморок", несколько не удивился.

Чжан Юэшань отсалютовал ему сжатым кулаком.

«Я усвоил урок!»

Когда он заметил, что Фан Цзыци из учебного комитета вошел через заднюю дверь, он вдруг кое-что вспомнил.

«Кстати, Чу Юй, ты сделал свою домашнюю работу?»

«О, черт, я не делал! Подожди, вчера была домашняя работа?»

Чжан Юэшань:

«...»

Чу Юй настроился списать только вопросы с множественным выбором, его руки были молниеносны. К тому времени, когда Лу Ши вошел в класс, он уже закончил списывать ответы и держал в руках свою мангу, внимательно ее читая.

Его телефон зажужжал из-за уведомления, и Чу Юй щелкнул, чтобы открыть его одной рукой. Он бросил быстрый взгляд и обнаружил, что это было сообщение с надписью "получен банковский перевод".

Ровно 100 000 юаней.

Чу Юй рассчитал время. Его мать была за границей, соответственно разные часовые пояса. Предположительно, она только что закончила работу.

Так было с тех пор, как он был ребенком. Был ли он болен, грустен, несчастен или даже когда ему снились кошмары или он страдал бессонницей, Ши Ялин просто давала ему деньги, когда слышала об этом.

В начальной школе, когда все еще не имели большого представления о карманных деньгах, его суточные уже приближались к пятизначным цифрам.

Он также мог вспомнить, как родители его одноклассников, в том числе родители Хэ Чжихао, говорили им, чтобы они не создавали проблем в школе, усердно учились и меньше выходили на улицу ради игр.

Но Ши Ялин никогда не говорила ему ничего подобного.

С самого детства и до сих пор она говорила ему, чтобы он был здоров, берег себя и был счастлив.

Что касается того, доставлял он неприятности или нет, учился он или нет, его матери было все равно.

После долгого взгляда в содержание сообщения на экране, Чу Юй набрал ответ. [Спасибо, мама, береги себя.]

Подумав об этом, он удалил последние два слова и нажал "Отправить".

Первым уроком была Литература и язык с классным руководителем, Старым Е.

Старый Е хорошо преподавал в своем собственном уникальном стиле, а точнее он был очень многословен. В течение первых пяти минут каждого урока он разглагольствовал. Иногда он бывал так взволнован, что сочинял стихотворение на месте.

На трибуне Старый Е читал самодельное стихотворение в прозе, превосходное по тону и эмоциям.

Чу Юй был загипнотизирован, он лежал на своей парте, чувствуя себя немного сонным.

Внезапно он услышал звук отрываемой страницы в блокноте.

Через несколько секунд на столе Чу Юя появился дополнительный лист бумаги, переданный со стола позади него.

На нем было написано два слова:

«Что случилось?»

Достопочтенный ученик от бога, когда ты в классе передаёшь записки, ты пишешь их на целых листах бумаги?

Прочитав, Чу Юй достал ручку из своего стола и приготовился ответить.

Почерк Лу Ши не был классически красив. Он писал карандашом, и штрихи были сильными и целеустремленными, его почерк обладал резкой красотой.

Сравнив с ним свой собственный почерк Чу Юй чувствовал, что пропасть между ними была несколько непреодолимой.

Внезапно он не осмелился ответить на бумаге...

Он действительно не мог вынести этого жестокого контраста.

Поэтому он просто повернулся и тихо сказал сидевшему позади него:

«Я в порядке, просто Старик Е буквально убаюкивает меня».

Краем глаза он увидел толстую книгу перед Лу Ши. Это был не учебник по языку и литературе.

«Хм».

Лу Ши почти не разговаривал, поэтому он просто ответил хмыканьем и продолжил отвечать на вопросы.

Закончив страницу, Лу Ши собирался перевернуть ее, чтобы продолжить, когда со стола перед ним был брошен комок бумаги.

Он открыл ее. Весь листок бумаги был размером всего с его ладонь.

Он прочитал написанные слова:

«Одноклассник Лу Ши, как ты думаешь... я могу присоединиться к такой организации, как орден Алых Розенкрейцеров, или, может быть, что-то вроде рыцарей-тамплиеров и тому подобное, которые будут преследовать меня, чтобы убить?»

Почерк был аккуратным и лёгким.

На бумаге было недостаточно пустого места, и Лу Ши был слишком ленив, чтобы писать дальше, поэтому он сказал прямо:

«Чу Юй».

Чу Юй повернул голову и ответил шепотом:

«А?»

Лу Ши поднял брови.

«Какую мангу ты читаешь?»

Открыв красочную обложку комикса в своей руке, Чу Юй честно ответил:

«Алая роза и запретная любовь рыцаря-тамплиера».

Ему тоже было немного любопытно.

«А что ты читаешь?»

Лу Ши открыл обложку своей книги, и на ее поверхности было несколько больших золотых символов: □Три тысячи вопросов для Международной олимпиады по математике□

Господи, почему я продолжаю унижать себя?

<http://bllate.org/book/14105/1240843>